

Лица Кокжевич

#ЭРИПТЫНА. СТАМБУЛ

"ПУСТЬ ОНА ОСТАНЕТСЯ ОДНИМ ИЗ САМЫХ
СТРАННЫХ И НЕЛЕПЫХ ВОСПОМИНАНИЙ О МОЕМ ОДИНОЧЕСТВЕ."

18+

Ли́ка Ко́нкевич

#Эдиптына. Стамбул

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937163

ISBN 9785005318947

Аннотация

Долгожданное продолжение историй Давида и Эрики, захвативших читателя в первой книге под названием #эдиптына. Узнают ли они, что Роберт всегда стоял между ними?.. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	8
3	12
4	16
5	18
6	20
7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

#Эдиптына. Стамбул

Ли́ка Ко́нкевич

Иллюстратор Ольга Волкова

© Ли́ка Ко́нкевич, 2025

© Ольга Волкова, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0053-1894-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Давид грубо швырнул турку в начищенную до блеска раковину. Ручка от нее одиноко ударилась еще раз и покати-лась ближе к центру.

– Черт побери, дурацкий день! – выругался и остановился в растерянности.

Это стало неожиданным даже для него. Он не знал, что делать дальше. Сломанная ручка выбила из его логически последовательных мыслей, и в этом замешательстве он услышал за своей спиной:

– Мдааа..... ну ты и псиииих....

Давид повернул голову и увидел спокойное лицо девушки, которая находится совсем рядом и держит перед собой вазочку с сырниками. Они очень вкусно пахнут и возвраща-ют в детство....

– Ее тоже грохнешь? – уставилась прямо в глаза Эрика.

И Давид больше не смог выдерживать ее бесцеремон-ность.

– Отвали от меня!

Ты не в моем вкусе и мне не до амуров сейчас! – Его бе-шеный взгляд заставляет девушку остановиться, но уже че-

рез секунды по кухне пролетает ее звонкий упрямый голос:

– Очень надо! Клеить? Тебя? Да ты в своем уме? На себя в зеркало посмотри, мужлан и грубиян!

Она схватила кружку с кофе в дрожащую руку и выбежала прочь.

Давид совсем растерялся.

Он не успел ответить – раз.

Турка была сломана – два.

Он остался без кофе – три.

И вовсе по-дурацки себя чувствовал – четыре.

Что делать?

Постоял в этом забытии мгновение и направился в прихожую. Голова занята перебором мыслей, тело уже склоняется к кроссовкам.

По растерянной дороге он прошел недолго. Почти сразу, за поворотом, наткнулся на лавку с самыми разными принадлежностями для чайных и кофейных церемоний.

Турок там было великое множество. Взгляд распался на мелкие атомы и уже невозможно было распознать и вспомнить, а что за турка пострадала на утренней кухне сегодня.

Наверное, именно поэтому, он купил две. На всякий случай. Одну оставил взамен сломанной, вторую унес в свой но-

мер.

«Пусть она станет одним из самых странных и нелепых напоминаний о моем одиночестве» ...

2

Только новый день не принес новую встречу.

Как и последующий. Давид уехал в горную местность на взятом в аренду джипе, а Эрика бросила в рюкзак блокнот, упаковку новых простых карандашей и поехала на Мраморное море. От места, где она поселилась (Ali Denizci Deliler Kahvehanesi) это было совсем недалеко.

Не пишется.

Даже на море нет вдохновения. Не думается о природе. Не смотрится в воду. Глаза устойчиво показывают мелькающие фигуры людей. Одиноких, в паре. Разных. Но вместе.

Блокнот одиноко лежит на топленимолочном песке.

И тут она слышит женский голос чуть дальше от себя:

«Твое бессознательное отправляет сигнал, чтоб у тебя не было никого. Вот к тебе никто и не подходит. Надо открываться мужчинам. Просто общаться.»

«Поддерживать разговор о разном, задавать вопросы, самой говорить. Идти в общение...»

«Сходила уже... наобщалась» – зло вылетает из Эрики почти вслух. Она слышит себя. С ее губ слетает уже не только возмущенное облако.

Женский голос продолжает говорить кому-то. Эрика не видит их, но ей уже неприятно. Неприятно кожей.

По спине протекает быстрая река, обкатывая позвоночник ледяной струей. Взгляд теряет фокус, дыхание становится глубоким, звуки волн уводят в нечто...

Нечто глубокое, внутреннее и болезненное. Страшно. Двигаться туда. Но манит.

Эрика встряхивает головой. Ей кажется, что, сбив звон в ушах, она уйдет с морских водных радаров.

Но звуки волн упорно возвращаются.

И возвращают ее в то место, из которого минуту назад она пыталась сбежать.

Кухня... И в руках эта дурацкая вазочка с гостеприимными сырниками.

Она помнила мамину фразу *«улыбаемся и машем»*, потому с гордой улыбкой и невозмутимыми глазами (только близкий мог разглядеть безумный блеск изнутри) прошла мимо этого мужлана.

А в голове звон: *«Отвали от меня!»* – больно...

и *«ты не в моем вкусе!»* – еще громче звон...

«не до амуров сейчас!» – прибывает последней фразой.

«Как шлюха! Я вела себя с ним, как шлюха! Он подумал, что я предлагаю себя! Ппц! Ппц! Ппц!» – Эрика готова про-

валиться сквозь этот песок. – *Это Ты не в моем вкусе! Это Ты отвали! Это мне не до амуров!*»

Она почти вслух произносит последние слова и в глазах снова эти сырники. В ведре.

Рисунок...

Когда успела?

Аффект снова неожиданно провалил ее внутрь себя.

Эрика выдохнула и оглядела лист. Он совсем пустой, лишь левый нижний угол чернил мусорной корзиной с виновато выглядывающими сырниками.

«Эта дурацкая! Дурацкая! Дурацкая мама привычка кормить всех, кто рядом! Рrrrr, ненавижу себя!» – она продолжает штриховать и злиться.

Злости много.

Хватит не на один сломанный грифель. Точилка, подаренная Линдой (привезла из Кельна) нашлась в сумке. Иначе конец новой упаковке фирменных карандашей.

«И этому карандашу на сегодня тоже конец» – подводит итог, довольно посмотрев на картину, потом на карандаш. – *Конец тебе, карандаш!»*

Сказала и фыркнула.

С листа на нее смотрит ее новый противный знакомый из России. У корзины с сырниками.

Она даже не успела узнать, как его зовут. Задумалась...

и подписала Хам.

3

Тело замкнулось внутри.

Эрика злится на себя. И на него. Что оказался рядом именно в тот момент, когда ей важно услышать свой собственный голос. Без примеси чужих советов, зависти и огорчения.

Уезжая из Москвы, она решила, что больше ни один мужчина не сможет сбить ее с толку.

Но ее решение сегодня, в Стамбуле, рассыпалось настоящим мужским напором и обжигающе холодным, отчасти даже мерзким, взглядом в ее сторону.

Взглядом, презирающим ее, женщину.

Женщину, которая оказалась рядом с тем, кто не готов. Не готов смотреть на женский мир без страха. Или осуждения. Или скопленной годами злости. Может, уже забродившей ненависти.

Эрика пытается вспомнить слова Роберта о том, что реакции людей чаще всего не из-за тебя. Что не ты провокатор. А прошлый опыт самого человека. Но сейчас это не успокаивает.

Он попал в самое больное место ее женского и хрупкого мира, когда посчитал ее навязчивой прилипалой, прыгающей на первого встречного.

От этого разрывает внутри, лишь кокон снаружи упорно сдерживает оборону.

Гнева много и он вулканом низвергается на один лист, другой, третий.

Листы вырываются трясущимися пальцами и сминаются с особой резкостью, свойственной им только в крайних случаях.

Эрика не до конца верит, что это случилось с ней. Здесь, в чужой стране.

В том месте, где она планировала успокоить себя.

***

«Питер, угу, – довольно сворачивая язык тонкой трубочкой в левый верхний угол открытого рта, произносит она, — у вас в Питере все такие – грубияны?»

Сидит перед ноутбуком и смотрит в его страницу в интернете.

Женское любопытство. Расположенный к ней администратор щедро поделился данными нового постояльца.

«Мдааа.... Ну точно ты показал свою сущность... Давид Эдуардович»

С экрана пылает статус нового знакомого:

«посылаю на хер чаще, чем здороваюсь».

Становится легче. Эрика выдыхает и закрывает страницу. Интерес удовлетворен. Злость уходит. А рисунок остается.

«На память» – произносит губами, ставя свою подпись в правом нижнем углу.

«Да куда же я его засунула?» – не на шутку испугалась Эрика, кинувшись на поиски блокнота.

Желание появилось, а рисовать не на чем.

«Когда я его потеряла? Где?»

Решилась выйти в прихожую, чтобы освежить воспоминания, начав путь сначала.

Постояла у входа.

Оглядела reception desk. Нет.

Медленно направилась по коридору к своей двери и тут справа мелькнул свет.

«Точно, кухня!» – Метнулась туда.

Но тут же остановилась, как вкопанная. За столом, прямо по центру, сидит он, «хам». В его правой руке дымящаяся кофейным ароматом кружка, а левой он тремя пальцами поддерживает стол. Вернее, не стол, а то, что на нем. Блокнот.

Она уже ненавидела тот день, когда они встретились.

Давид глянул на нее, не поднимая головы. Получилось исподлобья. Смущенный взгляд с параллельным:

– Ну ты, это... прости меня, если что... Художница.

– Эрика! Меня зовут Эрика! – ехидно и зло вырвала из се-

бя она, отчеканивая каждую букву своим звонким голосом. Подлетела к столу, – тебя учили не трогать чужие вещи?

– Да. Учили. И гостеприимству учили тоже. Бабушка. Она была очень доброжелательной хозяйкой... Как ты. Извини, Эрика...

4

«Знаешь, мне пришлось выбирать между армией и тюрьмой.

А, еще сильнее, мне хотелось сбежать от всего, что творилось тогда в моей жизни.

Я был разочарован в любви. Устал сталкиваться с непониманием родителей.

И вот, спустя полгода службы, я задолжал «старикам» блок сигарет «Прима». Но мама приехала и привезла три пачки. Ты не представляешь, как же я боялся встречи со «стариками» после ее отъезда.

Они уже предупредили меня, что ночью повесят на ремне.

И я реализовал свой план: на ночном дежурстве в кочегарке взял здоровую клюку (печь топила всю часть), сунул ее в огонь и она моментально стала красной. Тогда уже себе на руку, и кожа сразу волдырями.

Так, рискуя своей жизнью, я оказался в госпитале.

Там меня заметила женщина, которая служила на проходной. Стала пирожками кормить и со старшей дочкой сталкивать.

И так закрутилось, что я у них жить остался после службы. Она меня в областное ГАИ устроила. Я там проработал полгода и понял: любви нет, а там уже крестики купили, что-

бы нас венчать.

И я сбежал от них...»

На дворе уже была глубокая ночь, а свет на кухне продолжал сигналить о том, что кому-то в этих окнах не спится.

И снаружи можно было лишь догадываться о том, хорошо кому-то за этими окнами под этим светом, или плохо...

5

– Эрика, как ты это делаешь?

– Что?

– Ну вот ты начинаешь что-то рассказывать, делиться, вспоминать, при этом в тебе говорит все твое тело. Каждый его сантиметр передает настроение. Твое лицо, взгляд меняется. Улыбка, скорость, радость, ненависть, все! Интонации. Как ты это делаешь?

– Оно само, – пожимает плечами довольная Эрика, – я не понимаю сути вопроса. Мне кажется, что это естественно. У всех так. Нет?

– Нет. У меня не так. Я знаю, что должен чувствовать. Знаю, что должен показать лицом. Руками. Ногами. Но. Чтобы вот так все вместе само собой двигалось, шевелилось и жило – никогда не испытывал.

Взгляд Давида уходит в сторону. Взгляд, наполненный разлукой. В нем много грусти.

Если всматриваться дальше, можно увидеть едва заметную дорожку от его глаз до угла комнаты.

Они сидят в кинотеатре.

– Ты сдержанный, Давид! У тебя ниже головы ничего не существует, как будто. Мне кажется...

– Согласен, – кивает головой и приближается к Эрике, –

а как у тебя идет, колись.

– Нууу... вот я думаю. Потом мысль опускается через шею, вниз. Потом к сердцу. Там сразу пульсирует, стучит. И растекается по рукам. Отдает в ноги. В низ живота. Когда как.

Если страшно, то цепенеют ноги. Я, как испуганный суслик, замираю. Двинуться не могу. Когда злюсь, машу руками и из груди вырывается жар. Когда раздражаюсь, в голове стучит монотонно и гадко.

Когда люблю...

– В матку? – пытается опередить Давид, но Эрика злится.

– В член! Это у тебя так. Или в большую голову вдарит, или в маленькую. У меня – иначе!

– А как? Не злись. Я не хотел тебя перебивать и обижать. Вырвалось. Ты очень интересно рассказываешь.

– А некогда продолжать. Фильм начинается. Смотрим.

– Эх, – расстроился Давид, но добавил, – мы обязательно продолжим этот разговор. Обязательно!

6

– Чего такая агрессивная? Хочешь меня? Давай потрахуемся!

– Иди в жопу, Давидка.

– Да шучу я, мегера. Обожаю тебя такую бешеную и агрессивную. Мне кажется, в сексе ты порвешь любого мужика. Повезет кому-то. Точно.

– Я твоего мнения не спрашивала! – еще сильнее злится, но остается мягкой и заинтересованной в диалоге. Ей нравится это возбуждение и то, что сейчас происходит между ними.

Ей нравится Давид, именно такой. Хотя, в этом она вряд ли когда-нибудь так открыто ему признается.

Давид чувствует это и довольно продолжает:

– А я и не нуждаюсь в разрешении, женщина! – смотрит прямо в глаза и улыбается, – потанцуем?

– Сдурел? Где? Здесь? – напрягается, выпрямляет спину, как телескопическая удочка.

– Да. Здесь. Со мной. – Он не ждет ее согласия. Достает из кармана телефон и ставит мелодию на свой вкус, на ходу подхватывая остолбеневшую Эрику.

– Улица! Дурак! На нас все пялятся!

– Пусть. Завтра проснемся звездной парой турецкого интернета. Смотри на меня, доверься и забудь обо всех. Есть

только ты и я. Дыши... – прижимая к себе, начинает движение Давид.

У Эрики кружится голова. Она готова вырваться и бить, кричать, сопротивляться, но не может.

Погружение в мужское тело расслабляет и отпускает контроль. В руках Давида хорошо и, *«действительно, будь что будет, хорошо же сейчас»*...

– Мне нравится двигаться с тобой. Ты чувствительная женщина, Эрика, – шепчет Давид.

– Молчи, дерзкий хам.

– Аха, я сама нежность, милая, о чем ты. Тебе нравится, да? А признаться не можешь. Вот и весь ответ, – улыбается Давид, начиная дышать тяжелее – давно не танцевал. Сигареты. Трудно...

– Д..да... молчи. Пожалуйста, Давид... Мне без твоих нежностей сложно, – делится Эрика, но продолжает движение.

– А ты не усложняй. Это просто танец. Не более того.

– Дда... просто танец. Не более....того..

– Но, если что-то упрется в тебя....

– Дурак! – заискрила сиреной Эрика, тут же пытаюсь вырваться.

– Да шучу я, шучу! Вредина, – смеется Давид, – честно, я за всю жизнь столько не обнимался, сколько с тобой. И это

так круто!

– А, можно...я...? – опускает виноватый взгляд в пол, дальше, в сторону, Эрика.

– Что? – смело и в упор, сильнее расправляя плечи, спрашивает Давид.

Нависает длительная пауза. Он не выдерживает и рвет тишину:

– Ну что? Давай, говори уже, – скрещивает руки на груди, предвкушая интересное. Затем убирает их, – вот-вот... вот оно... этот твой взгляд... все, Эрика, обожаю, когда ты такая. Женщина выходит из тебя!

– Нууу, это... – начинает запинаться, пытаясь пальцами показать, но выходит нескладно и зянуто. Давид возбуждается в этом нетерпении, но продолжает держаться.

– Эрикаааа, ну давай. Говори. Что ты хочешь?

– А... можно.. я лягу тебе на грудь спиной, сможешь обнять меня и поддержать? – ей стыдно так сильно, что она уже ненавидит себя за этот неловкий момент между ними.

Но на последних звуках ее сообщения Давид схватывает ее за руку, не оставляя выбора.

Она падает в его руки, которые тут же обнимают ее.

Она пытается прислушаться к своим ощущениям и ей становится страшно. Страшно, что руки Давида автоматически обнимают ее. Эрика на это не рассчитывала.

«Дура, какая же я дура со своей инициативой...» – пытается разболтать себя в чувстве вины, но спине становится горячо, руки смелеют и решаются прикоснуться к его запястьям. Держат. Руки Давида очень мягкие и теплые. Как сдобная булка из пекарни.

– Давид, а ты ведь только строишь из себя недоступного и холодного эгоиста. А на самом деле ты теплый и мягкий...

– Да, – соглашается Давид, – зато ты с виду доброжелательная, а вблизи колючка. Тебя отогревать и отогревать... Вся дрожишь. Замерзла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.